

СРАЖЕНИЕ МИФОВ

ВРЕМЯ — БЛЮЗ. Музыка с перепадами ритма и настроения. В ней звучит вселенская тоска по утраченному, несбывшемуся, минувшему. Блюз — меланхолия первого снега, что тает, не долетев до земли, но ангельским шепотом успевает сказать, что завершается год, а вместе с ним — целая эпоха. Блюз — тоска далёкой звезды, взирающей на прежде цветущий город, которому теперь грозят пожары и разрушения. Блюз — мираж, в котором счастье всё же возможно, в котором утихают гром небесный и нев человеческий, и на мироздании пернатых крылом ложится покой.

Время-блюз посылает людям испытания, депит бытие пополам, разрезает в нём пропасть. На одном краю — невнятные вопросы, на другом — туманные ответы. В пропасть уходят силы и жизни, и надо скорее стянуть разлом, пробиться сквозь дыму и гомон бытия, найти на каждый вопрос верный ответ, пока ещё звучит блюз.

"Чеченский блюз" — один из самых мучительных для Проханова романов. Автор писал его так, будто делал операцию на открытом сердце Родины, будто врачевал её после тяжёлой болезни. Казалось, одно неточное слово — и жизнь России оборвётся. Потому романы о чеченских событиях создавались Прохановым как "ловушки" для войны: если написать о ней книгу, отобрать у неё через образ все силы, то война иссякнет, попав в роман, никогда больше не выберется из него в реальность.

Подобные "ловушки" расставляли многие. Русская литература всей ратной традицией откликнулась на чеченские войны, по горячим следам изрекла о них молодое огненное слово. Эти войны породили свою "лейтенантскую прозу", где были и "красный смех", и "красное вино победы". Молодые прозаики оголили нерв войны, художественно осмыслили её фактологию, показали и подвиг, и отчаяние. Но Проханов, писатель иного поколения, помимо "окопной правды", явил социологию, историософию, метафизику войны. Первая чеченская была вписана Прохановым в систему координат нескольких войн, боевых конфликтов и революций, пережитых писателем. Его опыт сравнивал плающую Чечню с Дамаском и Жаланджаелем, Афганистаном и Мозамбиком, Кампучией и Никарагуа. Проханов приложил к Чеч-не универсальную "матрицу войны": убедился в закономерностях, но и ужаснулся несхожести чеченской трагедии со всеми предшествующими.

Если на большинство предыдущих войн писателю приходилось летать на самолёте, пересекая границу своей страны, приземляясь в иных частях света, на других континентах, то до Чечни можно было доехать поездом. Война полыхала теперь не "за рекой", не за океаном, а здесь, дома, шла кровавой постылью по нашим городам, тянула костлявую руку к горлу столицы,

рассыпала в ней гексоген. Это была уже не мировая революция "красных смыслов", а кровопролитие между соотечественниками. Война добралась до дома потому, что её перестали встречать на дальних рубежах. Потому, что Империя отсекла свои окраины. Потому, что "русские ушли с Востока".

Война, как воды всемирного потопа, подступила к родному порогу, когда из могучей державы излетели красивые боги, и её усечённое тело стали рвать чёрные демоны, установившие тоталитарную "банкирщину".

Михаил Кильдяшов

ГРОЗНЫЙ ГОРОД ВОЙНЫ

О романе Александра ПРОХАНОВА «Чеченский блюз» («Центркнига», 1998, ИТРК, 2001, «Роман-газета», 2001, «Амфора», 2002, «Воениздат», 2002, «Вагриус», 2008, «Эксмо», 2012, «Амфора», 2013)

"...банкиры, соединившись в тесную группу, должны разделить зоны влияния. Сглаживая противоречия, стать новой и единственной властью в России". После "чёрного октября" 1993 года "бульдозеру" нужна была "небольшая победоносная война", которая уподобила бы дворец Дудаева в Грозном обугленному Дому советов в Москве. Война, которая всё спешит и вновь возведёт на трон после очередных президентских выборов.

Война началась потому, что в мироздании накопилось множество противоречий: между прошлым и настоящим, между мечтой и действительностью, отцом и сыном, богачом и бедняком, между цветом земным и звездой небесной. Мир был болен противоречиями, и разрешить их, "обнулить" их могла только война.

Противоречия раскололи Россию на два мира. В одном, как и прежде, — вера, долготерпение, смирение, русские мальчиши, что собирают дивных бабочек, рисуют райских птиц, поют в храме во время литургии. Именно они идут, уже "не мальчишками, но мужиками", останавливать войну, затыкать её жерло своими жизнями. А в другом мире — безудержная роскошь, интриги, сладострастие, предательство, "пир во время чумы", "разложение и распад", "союз булата и злата". Этим двум мирам не дано соединиться; на их стыке, как грижа между позвонков, возникает война, что собирает все противоречия в одну точку.

Такой точкой оказывается город Грозный. Это гроза, которую предвещает свинцовое небо. Это угроза, которая кипищей лавой готова разлиться по всей стране. Занятый федеральными войсками Грозный, словно отсечённая голова на блюде, должен стать подарком от генштаба ко дню рождения министра обороны. В город накануне Нового года, не прикрытая ни пехотой, ни авиацией, входит танковая бригада. В генштабе не верят в силу мятежного противника: мелкие банды, не ведающие военной тактики и стратегии, разбегутся от одного вида бронетехники, и город будет взят без единого выстрела.

Но, как в "Слове о полку Игореве", в стане врага враждебно всё: боевую бригаду отгоняют прихитliche дома, пустынные улицы, кружащее вороньё, что своим гомоном рождает недоброе предчувствия. Город, где когда-то в согласии и ладе жили народы многоликой империи, теперь, кажется, выпал из времени и пространства, стал куском живой плоти, вырезанной из Советского Союза.

Гнетущий предвестием на серый город опускается первый снег. Может быть, чтобы смыть кровь, что вот-вот прольётся. Или чтобы охладить пульсирующие раны. Или чтобы оставленным на белом покрове следами прочертили траектории жизни, которые обрёт пуля или взрыв.

Лукавым гостеприимством на привокзальной площади враг заманивает солдат и офицеров на новогод-

ний пир, искушает их хлебом и вином. А в разгар праздника вонзает русскому гостю нож в спину, стреляет в него в упор, сжигает его живём в танке, добивает автоматной очередью. Это станет первым извержением вулкана чеченской войны.

В непримиримом противостоянии на ней сойдутся командир роты капитан Кудрявцев и столичный банкир Бернер. Они никогда не увидят друг друга, их жизненные пути не пересекутся ни в одной точке пространства, но в них воплотятся два мира расколотой

свои силы, то всё равно не одолеет твердыни. Особенно в несколько этажей, который Бернер возвёл подобно Вавилонской башне, окружённый многоисленной охраной. Но банкир чувствует себя здесь ужасно уязвимым, потому что главный враг таится в нём самом: "...ощущение утраченного рая, невозможности обрести его, воссоздать здесь, на земле, посещало его в виде приступов тоски и отчаяния, которые сменялись бешеным и безумием. Единственный, кто уцелел от того древнего цветущего времени, был толстый плещивый змей, обтянутый чешуйчатой кожей. Слово огромный соли-тер, он вполз в него, удобно свисаясь в желудке, в кишках, в пищеводе. Мучил, душил, побуждал действовать. Гнал из авантюры в авантюру, из приключения в приключение. Умножал богатство, славу, власть, наполняя воспалённое чрево неутолимой жадой и голодом".

Кудрявцев стремится локализовать войну, свести её к одному дому в чеченской столице. Стремится вызвать на себя огонь всех орудий противника — только бы уцелел родительский дом, сельский храм, не захлебнувшись в крови вся Россия. Бернер готов раздуть из искры чеченской войны "мировой пожар" — если это преумножит его могущество.

Кудрявцев воюет не за звания, чины и награды, а за то зерно Божьей правды, что ещё сохраняется на земле. Это зерно нужно окружить плотным оболочками веры, любви, исторической памяти, чтобы пламя войны не попало на него: "...страсти и стремле-

1996 год, город Грозный. Александр ПРОХАНОВ у "президентского дворца" Джохара Дудаева

России — мир грешников Бернера и мир праведников Кудрявцева. Каждый из этих миров найдёт в чеченской войне свой смысл, отразится в острых осколках разбитого города.

Кудрявцев верен приказу, долгу, воинской чести, русскому оружию. С выжившими бойцами он, несмотря на разгром бригады, занимает оборону на площади до подхода основных сил — выполняет изначальный приказ командования. Бернер раскручивает "маховик" войны, чтобы пустить чёрную нефтяную кровь Чечни во все концы мира. Чтобы организовать в воспалённый регион выгодные поставки оружия. Чтобы поднять одни акции и обрушить другие.

Кудрявцев готов "положить душу свою за други своя". Он до последнего патрона обрушивается на врагов праведный гнев. В капитане воплощаются нерастратчен-ная сила бригады, и в этом священном бою он как никогда осознаёт, что "нет из святее товарищества". Бернер же "разменивает" всех друзей на деньги и власть. Последний друг оказывается конкурентом и потому получает от банкира снайперскую пулю.

Кудрявцев с пятью солдатами закрепляется в одном из опустевших домов Грозного. Этот дом уподобляется Дому Павлова в Сталинграде, становится неодолимой крепостью. Кажется, даже если враг стянёт к нему все

ния, страдания и надежды вовлекут его в расставленную кем-то ловушку, проносят его мимо огромной, присутствующей в мироздании истины. И если отринуть эти страдания и страсти, усилием разума и напряжённой, сосредоточенной на познании души вырваться из этой ловушки, то откроется истинное устройство Вселенной, истинный смысл мироздания". Бернер бредит на гребне войны, возвращается в Кремль. Триумфатором возложить руку на Конституцию. Но в секундном видении банкира Красная площадь с куполами храмов и зубцами Кремлёвской стены перемалывает его, извергает из русской истории — как шлак, как случайный сор.

Чеченская война будет множить в мире образы Апокалипсиса. В этом раздвоенном мире по той части, где унездились грешники — предатели и враги — прочтётся "конь след". А там, где нашли приют праведники, в одежде, обгаренной кровью, пройдёт "Царь царей и Господь господствующих".

В маленькой деревенской церкви на иконе Архангела Гавриила небесной слезой проступит мир. Архангел вострепенётся, полетит над Россией, залечит её раны, возвестит, что Отечество будет едино и никогда не умрёт. Чеченский блюз стихнет, и все услышат сладкозвучное ангельское пение.

НАМ ЛИ СТОЯТЬ НА МЕСТЕ?!

О выставке «Будни великих строек»

...Нам ли стоять на месте?!

В своих дерзаниях всегда мы правы.

Труд наш есть дело чести,

Есть дело доблести и подвиг славы...

Из советской песни.

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ превозносили-ся труд как явление и феномен. Не лишь результат, а конкретно — процесс. Поезд-эллинистические барельефы с токарями и доярками, "барочные" виноградники и золотые пашни, трактора, домы, грядники, ЛЭП — искусство бесперебойно сплавляло работу и работница. "К станку ли ты склоняешься, / В скалу ли ты врубаешься, — / Мечта прекрасная, эдак неясная, / Уж зовёт тебя вперёд", — пепа героя фильма "Светлый путь", а её ткачество приравнивалось к сказочно-мифологическому творению. Она ткала судьбу Отечества, устремляясь к "мечте прекрасной". Большевизм, будущи новой религий, поставил цель — рай на земле — построение коммунизма. Неслучайно в литературе возник мотив эдемского сада: "Через четыре года здесь будет город-сад", а много позже появились закономерные, ожидаемые "яблони на Марсе". Незыблемо царил библейский принцип, сформулированный апостолом Павлом во Втором послании к Фессалоникийцам (3:10): "...если кто не хочет трудиться, тот и не ешь". Тунеядец считался не только нарушителем кодексов, но и кем-то вроде святотатца. В культовом романе Олега Куваева "Территория", написанном уже в позднем СССР, прослеживается великая идея: "Работа заменила собой веру или, вернее, сама стала верой...". Помимо культа созидания, внедрялся и культ праведных трудностей. Не страданий, а именно — преодоления, что не одно и то же. Страдать — скверно. Уныние — грех. Врубаешь в скалу! Даёшь пятилетку за три года! Люди у станка (в лаборатории, в полях, на стройке) были в центре любого повествования, тогда как "лёгкое счастье" неизменно критиковалось,

а в ряде случаев — наказывалось. Человеку предписывалось восторженное отношение к препятствиям, поэтому парень, едущий "на целину", рисовался истинным счастьем, а девушка, решившая остаться в Ленинграде, — скучной мешанкой или дурочкой. Но это — лирика, тогда как марксистская теория гласит, что базис важнее надстройки: красивая, светлая мифология обслуживала серьёзные планы по реконструкции общества. Ускоренная индустриализация — вот что поставлено во главу угла, а потому заводские цеха рисовались феерическими чертежами. Мы переплываем и перекраиваем этот мир! И есть конкретные сроки, факты, цифры. Товарищ Сталин писал: "Задержать темпы — это значит отстать. А отстать — бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! Вот почему нельзя нам отставать".

В московском музее "Пресня" открылась интереснейшая экспозиция "Будни великих строек", посвящённая советской индустриальной живописи 1930–1950-х годов. Первая мысль, которая посещает: художники писали не просто цеха и шахты, но какое-то сакральное действо. Ещё в конце 1910-х годов во всём мире (а не только в Советской России) сформировались арт-направления, связанные с воспеваемом агрегатов, машин и рабочих процессов. Разве что западные тенденции оказались больше связаны с дизайном и фотографией, а наш индустриализм, кроме всего прочего, обслуживал идеологию победившего класса. Однако же смысл был единым: транслировалось, что человек — всего лишь слабенькое приложение к первоизданной силе токарного станка, локомотива, радиоприёмника, а Юрий Олеши писал: "Я хочу быть машиной...". Зависть взяла к машине — вот оно что! Чем я хуже её? Мы же её выдумали, создали, а она оказалась куда свирепее нас". Итак, советский индустриализм — течение в искусстве, призванное возвеличить созидание, со-творение. Показывать работу — иной раз тяжёлую — в привлекательном

виде. То была своеобразная реклама для "юноши, обдумывающего житьё". Красная цивилизация сочетала несовместимое: одухотворённость и технократическое раццо; поэтому стройка ГЭС, выплавка стали, монтаж линий электропередач — всё это крепко увязалось с романтикой. И волшебством. Неслучайно пелось: "Мы рождены, что сказку сделать былью — / Преодолеть пространство и простор". Пространство — понятие сугубо рациональное, деловое, физико-математическое. Простор же — слово литературно-художественное и не поддающееся вычерчиванию на листе ватмана. Соединить пространство (цифры и точку на карте) с простором (рифма и грёза) — такова задача, поставленная перед советским поэтом, писателем, художником. Подчинение времени — ещё одна великая тайна: "Создан наш мир на славу, / За годы сделаны дела столетий".

На выставке "Будни великих строек" мы не увидим ни одной банальной картины с повествовательно-констатирующим сюжетом. Каждая фабула таит в себе мистику. Центральная композицией можно считать триптих "Рождение первой коммунистической бригады" (1959). Изображены трое рабочих — лица и позы их величавы. И даже — как бы не от мира сего. Взгляды — поверх. Будто вглядываются в мир нездешний, но будущий. Сверху — льётся горный свет. Это — не люди, но боги, вершащие судьбы живой и неживой материи. По бокам — полотна, отображающие трудов подвиг коммунистической бригады. Николай Бердяев писал, что "в русском большевизме есть запертость и потусторонность". Производственный триптих смотрится хромовой фреской. Думали об этом авторы (А. Андреева, А. Арцыбушев, Э. Биншток, С. Иванов-Мусатов)? И да и нет. Потому что есть мысли и чувства, которые носятся в воздухе. Простота названий полностью искупается многослойным содержанием. "Выпуск чугуна из вагранки" (1952). Художник — О. Нерлингер. Фантастический свет, напряжённые лица. Ощущение, что это — средневековые алхимики, творящие золото или маги, создающие "не-что" из ничего. Сказку — сделать былью. В предельно сжатые сроки.

Рассказ о Кузнецком и людях Кузнецка — хрестоматийное стихотворение Маяковского. Тема — ровно та же: из грязи и отсталости вырваться в сияющее Завтра. "Мы в сотню солнц мартенановы воспламеним Сибирь". На выставке можно увидеть сразу несколько вариаций на тему грядущего "города-сада". "Кузнецкий завод" (1931) художника П. Котова — это монументальная домина. Она столь высока, что не хватает... даже холста. Взгляд задерживается на подступах, где копошатся человечки. Они тут — не главные персонажи. Всею голова — металлическая громада. На картине В. Рождественского "Трокатный цех. Кузнецк" (1933) мы наблюдаем то же самое: техника, железо — подавляет и заворачивает. Но здесь нет апокалиптического кошмара, предсказанного Фрицем Лангом в "Метрополисе" (1926). Наоборот — машина дышит и создаёт живой ритм новой Вселенной. В воздухе — радость и оптимизм: "Не спи, вставай, кудрявая, / В цехах звеня, / Страна встает со славою / На встречу дня!". История с географией. Из Кузнецка мы переносимся в Магнитогорск — промышленный гигант первых пятилеток.

"Магнитострой" К. Вялова (1948) — это воспоминание о событиях пятинадцатидесятилетней давности, когда в январе 1929 года Совнарком и Совет труда и обороны на объединённом заседании приняли решение о начале строительства Магнитогорского металлургического завода. В связи с этим интересна судьба поэта-первостроителя Магнитки Бориса Ручьёва — сына священника и учителя. Сейчас это имя известно только литературоведам, а в 1930-х Ручьёв был заметной фигурой. "Буры рокотали / До звёздной поры / в нетронутых рудах / Магнитной горы...". Его стихи о Магнитострое — всё тот же гимн преодолению. С Магнитки отправляемся на Земо-Авачскую ГЭС. Её возведение началось по плану ГОЭЛРО в 1923-м, а первый агрегат пущен в 1927 году. Перед нами — полотно знаменитого мэтра И. Машкова "ЗАГС" (1927). Эстет Серебряного века, участник объединения "Мир искусства", Машков не перестал творить и после революции. Нашёл себя. В 1927 году он получил творческое задание — создать образы и виды ЗАГЭС. Не менее парадоксальна работа "Магнитострой" К. Богаевского (1930). Изысканный, где-то манерный крымский пейзажист, мечтатель, друг Максимилиана Володина и вдруг — мощный индустриальный про-ры. Это кажется изумительно-странным только на первый взгляд, ибо художник чаще всего отражает время или же — становится его врагом, антиподом. Третьего пути не дано. Не менее примечательны заводские труды в исполнении И. Ромаса (1930-е гг.), мастера утончённого и, скорее, склонного к театрализованной помпе — его оформление московских праздников в эпоху Сталина выдаёт пресыщенный, даже барский вкус.

Впрочем, нас действительно ждёт Москва и — картина "Максим Горький на фабрике "Трёхгорная мануфактура" (1956) Н. Корниенко. Вещь написана по мотивам исторической ностальгии, как и "Магнитострой" К. Вялова. В 1956 году вся довоенная биография казалась чем-то далёким и почти легендарным, хотя участники и свидетели были живы и относительно молоды. Война разделила их бытие на "до" и "после", а ускоренный темп жизни сделал веки двадцатилетней давности "предвзванными старинами лубочкой". Работницы в красных козынках и — солнечно-жёлтая ткань — создают ощущение праздника. Фигура Максима Горького, воссозданная по фотографиям, здесь — некий атрибут. Объект. Гораздо живее выписан цех и — материал. Следующая остановка — Уральский машиностроительный завод. Сюжет А. Бурака "На Уралмаше. Школа у станка" (1956) — это взаимоотношения сразу нескольких поколений: от пожилых рабочих, стоявших у истоков до школьников, которым предстоит скоростью принять эстафету.

Резюме! Для подобной экспозиции нужен особый гид, чтобы вёщал историю Кузнецка, Магнитки, Днепрогоса и заодно давал пояснения насчёт дома или, к примеру, медеплавильного завода. Мы живём в постиндустриальную эпоху, когда могучие цеха становятся уходящей натурой — а во многих городах вообще нет промышленности. Бывшие комбинаты превращаются (или уже превратились) в торговые-развлекательные центры. С одной стороны, это — деградация. С другой — веяние времени, с которым невозможно бороться. Для нас очень важно запомнить, как оно выглядело и зачем было нужно. Давно. Когда пелись песни про "заводскую проходную" и "мартеновские печи", а героем дня становился пролетарий. "Владыки мира будут труд!" — писалось на тех плакатах и, что характерно, люди в это верили.

Галина ИВАНКИНА

РУССКИЙ ФЕНИКС И БАЛКАНСКИЙ РУБЕЖ

Россия и Балканы, эти части связаны столетиями. Возродится ли Русский феникс в очередной раз. Вернется ли Россия на Балканы? К чему нам готовиться? Болгарский историк Дарина Григорова и российский ученый-балканист Елена Пономарева представят свои новые книги и ответят на ваши вопросы.

Встречу будет вести русский историк Андрей Фурос!

15 мая в 18:30
вход свободный!

Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1,
2 уровень, зал № 13

В МОСКОВСКОМ ДОМЕ КНИГИ ПОЧТУ ПАМЯТЬ ОЛЕС БУЗИНЫ!

Александр ЧАЛЕНКО • Армен ГАСПАРЯН
Ростислав ИЩЕНКО • Алексей КОЧЕТКОВ
Константин КРАЙЛОВ • Эдуард ЛИМОНОВ
Олег МАТВЕИЧЕВ • Захар ПРИЛЕПИН
Александр ПРОХАНОВ • Игорь МОЛОТОВ
Николай СТАРИКОВ • Егор ХОЛМОГОРОВ
Сергей ШАРТУНОВ • Максим ШЕВЧЕНКО

ПРЕДСТАВЯТ КНИГУ ОБ ОЛЕСЕ БУЗИНЕ

Эта книга памяти об Олесе Бузине написана его друзьями, коллегами по работе, соратниками и оппонентами и просто людьми, которые встречались с ним в его многочисленных поездках, выступлениях на ТВ, о которых писал он, и которые писали о нем. Кто-то из них поддерживает Олеся безотворочно, кто-то согласен далеко не со всем, что писал и говорил Бузина, но из многоголосицы авторского коллектива возрождается живой многогранный образ человека, которым будет гордиться вновь воссозданная из небытия историческая Россия, в составе которой будут и Малороссия, и Новороссия.

вход свободный!
18 мая в 17:00

Москва, ул. Новый Арбат, д. 8,
Литературное кафе на 2 этаже

ОБЫЧНО ЭТО ДВА ТЕРМИНА — революция и Традиция — сосуществуют в оппозиции: Традиция предполагает продолжение того, что было, нечто консервативное. Само слово "традиция" образовано от "tradire" ("перенос") Мы переносим наиболее ценное из поколения в поколение. Поэтому какие-то ценностные установки остаются неизменными.

Революция — это радикальная перемена, полный пересмотр, ниспровержение ценностных систем. Рабы становятся господами, господа — рабами; униженные и оскорблённые начинают унижать и оскорблять.

Сегодня мы наблюдаем интересный момент: Традиция, или консерватизм, не является само собой разумеющейся вещью. Мы не можем сохранять всё, что было в прошлом, и переносить всё, что было, в будущее. Мы делаем отсев, выбор: что-то считаем ценным, что-то — второстепенным. Но что именно?

В сам процесс Традиции может закрасться элемент сдвига. Представим, что в какой-то момент мы решили не сохранять что-то принципиально важное и передать в будущее нечто второстепенное. Кто это решает? Сам человек.

Консерватизм и Традиция — это не инерция (иначе мы быстро растеряли бы вообще всё). Традиция — это усилие. Поэтому, чтобы что-то передать, надо хорошо понимать, что является по-настоящему ценным и существенным. Если мы не прилагаем усилий, то главное теряется. Традиция и консерватизм тогда оказываются симуля-кром.

Как пример — люди забывают Бога, но постоянно говорят про спорт. Кто-то подменил традицию — законсервировал советских спортсменов с веслом; забыли про Церковь, Бога, иконы. Или — другой пример: из прошлого взяли спорт как ценность, а социальную справедливость (фундаментальную ценность по сравнению со спортом) оставили. Поставить спортсменов на место святых — это симулякр и разрушение ценностных систем. Это и есть революция.

Таким образом, революция как переоценка всех ценностей может происходить внутри Традиции. Если мы не в состоянии ответить, что является первостепенным, а что второстепенным, если иерархия нарушена в процессе консерватизма и Традиции, то происходит ползукая революция. Она уже осуществлена.

Революция произошла не тогда, когда Ницше сказал — "Бог умер". Это произошло ещё в Новое время, когда Бога и представление о Божественном Космосе стали заменять представлением о материалистической вселенной. Вот когда убили Бога. А Ницше просто обратил на это внимание.

Революция происходит раньше, чем это замечают. На самом деле, и Октябрьская революция, и крушение Империи произошли гораздо раньше. Она рухнула внутренне, потому что потеряла то, что надо передавать. Славянофилы обратили на это внимание, и пытались её спасти.

Консервативная революция — то, что предложили славянофилы, евразийцы и другие. Это сознательный, активный, агрессивный, потрясающий основы возврат к тому ценному, что мы не передали, не сохранили в Традиции.

Традиция или революция? Вопрос так не стоит. Вопрос в том, как происходит Традиция, и как — революция. Традиция — это не инерция, а усилие; и выбор очень сложный, тонкий. Если ты передал то — это Традиция, если передал "спорт" — ты фактически осуществил революцию, и поставил на место первостепенного второстепенное.

Если ты сохранишь и передашь не то — то ты будешь не консерватором, а разрушителем. Но если ты хочешь совершить консервативную революцию и считаешь, что забыто нечто важное, и не хочешь нести опыт ошибочного "вчера" — то можно откатить назад.

Вопрос стоит так: либо это будет разрушающий консерватизм, который транслирует инерцию и всё превращает в симулякр (именно это сейчас и происходит: нынешний консерватизм — инерциальный, нынешний доминирующий патриотизм — тоже), либо — революционный консерватизм. Если он не революционный, он ещё хуже, чем простое разрушение, потому что маскирует нигилизм под существующей тенденцией.

Консервативная революция в России произойдёт. Она неизбежна по логике вещей — либо России просто не будет.

Александр ДУГИН

Книга Джамбулата УМАРОВА "Фактор КРА. Противостояние". Справки по телефону: 8-985-256-91-24.

Джульетто КЬЕЗА. "Мир на пороге войны", публицистика. Справки по телефону: 8 (985) 256-91-24.

Н.И. ЛИБАН. "Русская литература. Лекции-очерки" в 3 томах, "Москва", "Прогресс-Плеяды", 2014-2015. Справки по телефону: 8 (985) 256-91-24.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОМ ЖУРНАЛИСТА

16 мая 2018 года, среда

Вечер представления новой книги песен

Русские песни

Автор — певец, музыкант, стихотворец

Александр Васин-Макаров

В программе: песни и романсы из новой книги на стихи русских поэтов

Поют автор и участники

Литературно-музыкальной студии

А. Васина-Макарова

Начало в 18 часов 30 минут

Никитский бульвар, д. 8а (ст. м. «Арбатская») Билеты: 8-495-368-34-16 • 8-906-044-50-55